

© 2003 г.

Т.Н. КУВЕНЕВА, А.Г. МАНАКОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОРУБЕЖНОМ РЕГИОНЕ

КУВЕНЕВА Татьяна Николаевна – директор Центра социологической и маркетинговой информации (г. Псков). МАНАКОВ Андрей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова.

Целью данного исследования является выявление роли этнических, историко-культурных, политических и современных административных границ в формировании и динамике территориальных идентичностей разных иерархических уровней. Чтобы подойти к решению главной задачи исследования, нам пришлось ответить на ряд вопросов. Какие факторы влияют на территориальную идентификацию людей? Какая связь существует между территориальной, политической и этнической идентичностью? Какова иерархия территориальной идентичности? Какая роль в коллективной идентификации населения отводится национальной (государственной), региональной и локальной идентичности? Данные вопросы определили не менее значимые задачи нашего исследования.

Региональную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности. В то же время национальная идентичность в бытовом представлении обычно ассоциируется с этнической идентичностью. Однако научная категория “национальная идентичность” лишь на первый взгляд располагается в иной плоскости с понятием “региональная идентичность”. С появлением в европейской науке XIX в. концепции “нация-государство” зародилась ставшая теперь уже классической политико-географическая триада “государство – нация – территория” [1], не только связавшая национальную и политическую идентичности, но и поставившая национальную идентичность на “верхний этаж” в иерархии территориальных идентичностей (табл. 1).

В условиях ослабления или кризиса национальной идентичности региональная идентичность может составить ей конкуренцию, и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны. В стабильном обществе с устойчивой национальной идентичностью региональная идентичность не выходит на первый план в иерархии территориальных идентичностей [2]. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона. Ее можно обнаружить в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т.п. Однако, как показывают результаты нашего исследования, даже в условиях политической стабильности приоритет локальной и региональной идентичности над национальной – вполне типичное явление для сельской местности не только глубинных территорий России, но и ее “нового порубежья”.

Существует точка зрения, что у русской культуры весьма ослаблена способность к самоорганизации пространства, и ей больше “по душе” не чувство регионализма, а “аспатиальность”, т.е. внепространственность. Аспати-

Таблица 1

Иерархия территориальной, политической и этнической идентичностей

Уровень идентичности	Территориальная идентичность	Политическая идентичность	Этническая идентичность
Верхний	Наднациональная (цивилизационная) Национальная	Государственная	Суперэтническая Собственно этническая
Средний		Региональная	Субэтническая
Нижний		Локальная	Этнографическая

альность – это специфически пониженная реакция русской культуры на географическое пространство, в частности, на расстояние, границу и место. Странники этой точки зрения подчеркивают неслучайность того факта, что в русской культуре местный патриотизм чётко укладывается в рамки административных единиц: “Равнодушие к месту перетекает у русских и в равнодушие к границам. Из-за этого они вполне отдаются тем рубежам, которые устанавливает для них государство, и безропотно адресуют свой местный патриотизм тем губерниям, областям или краям, которые выкраивают на карте российские власти” [3, с. 113].

Альтернативным данной точке зрения является представление, что “в России, как и во многих государствах мира, административное деление, по крайней мере, на уровне субъектов федерации в тенденции совпадает с историко-культурными районами” [4, с. 36]. Причем данные историко-культурные районы не порождаются административными границами, а, скорее, сами вынуждают подстраивать сетку внутреннего деления страны под сложившиеся культурные границы. Для выявления регионов России, соответствующих историко-культурным районам, предлагается использование критерия возраста территории, который “следует отсчитывать от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы” [4, с. 37].

Обе точки зрения имеют право на существование, т.к. ответ на вопрос о взаимозависимости политико-административных и культурных границ не так прост. Но, безусловно, с точки зрения формирования территориальной идентичности любого уровня принципиальное значение имеет историческая зрелость или же устойчивость политико-административных границ, определяемая давностью и длительностью существования этих границ. Зачастую политико-административные границы прошлых эпох выступают в роли современных или реликтовых культурных рубежей. По аналогии с этим можно говорить как о современной региональной идентичности, так и о территориальной идентичности в рамках историко-культурных районов, которая по-

степенно стирается в массовом сознании благодаря становлению новых административных границ.

Информационная база данного исследования включает результаты серии социологических опросов, проведённых в 1999-2002 гг. в пределах региона, представляющего “новое российское порубежье” почти на всем протяжении границы России с Эстонией и Латвией, и частично – с Белоруссией. Данный этнокультурный рубеж в XX в. только в течение 30 лет выступал в качестве государственной границы. Однако в предшествующие семь веков наблюдалась обратная пропорция: в течение пяти веков граница была политической, и только два века (XVIII-XIX вв.) имела административный статус. Исследование проводилось в три этапа. Первый этап (1999-2000 гг.) включал проведение пилотажных социологических исследований на уровне нескольких пограничных административных районов (N = 738, выборка репрезентативна по полу и возрасту). На втором этапе при проведении опросов в тех же районах была применена специализированная выборка (N = 726, с равным количеством респондентов в группах, выделенных по полу и возрасту). На первых двух этапах опросы населения (включая анкетирование и интервью) были проведены в трансграничном районе Нарва-Ивангород на стыке Эстонии и Ленинградской области, псковском участке российско-эстонской границы, а также на значительном участке границы с Латвией, включая её стык с российско-белорусской границей. Завершающим в этой серии исследований стал социологический опрос, проведённый в марте 2002 г. Службой социологической и маркетинговой информации (г. Псков) и охвативший всё население Псковской области (N=780, выборка репрезентативна по полу и возрасту).

Этносоциальную специфику приграничных районов Псковской области определяют заметные родственные или дружественные связи местных жителей с населением соседних государств. Так, например, каждый третий житель районов, прилегающих к Эстонии, имеет в этой стране своих родственников, и ещё каждый пятый – друзей или знакомых. Аналогичная картина наблюда-

ется в районах, пограничных с Белоруссией. Каждый четвёртый из опрошенных на крайнем юге области имеет среди своих родственников белорусов. При этом почти каждый пятый житель районов, прилегающих к Белоруссии, может говорить по-белорусски, и более половины местного населения понимает этот язык.

Динамика административных границ в пределах региона исследования выглядит следующим образом. Псковская область была создана в 1944 г., но в этом году оформились только её северные и северо-восточные современные границы (с Ленинградской и Новгородской областями). Остальные границы (с нынешними Тверской и Смоленской областями) определились только в 1957-1958 гг. после ликвидации Великолукской области. В средней части области в первой половине XX в. появлялись кратковременные административные границы, наиболее значимой из которых с точки зрения формирования региональной идентичности можно считать границу просуществовавшей в течение 13 лет Великолукской области.

Кроме того, по территории области проходит два ощутимых культурных рубежа, повторяющих существовавшие около полутора веков границы Псковской губернии. Южная часть области вплоть до 1924 г. входила в состав Витебской губернии (а ранее – Полоцкого наместничества, Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и т.д.). Причём южная граница Псковской губернии в то время играла роль одновременно и этнической (русско-белорусской) границы. Век назад доля белорусского населения здесь заметно превышала долю русских, и вплоть до 30-х гг. XX в. на юге области существовала русско-белорусская этноконтактная зона. Национальная статистика 20-х гг. показывала достаточно быстрое «исчезновение» здесь белорусского населения, что, скорее, свидетельствует о смене этнического самосознания (этнической идентификации) местных жителей.

Северная часть области до 1927 г. была частью С.-Петербургской (Петроградской, Ленинградской) губернии. В этих районах в течение полувека (с

конца XIX в. по 1943 г.) просуществовала русско-эстонская этноконтактная зона (на протяжении всего этого периода доля эстонцев держалась на уровне не ниже 10% от всего населения). Перепись населения 1989 г. выявила здесь только 1% эстонского населения, наше исследование привело к иным результатам: среди опрошенных коренных жителей 3% назвали себя эстонцами, а также ещё 15% составили лица, называющие себя русскими, но имеющие среди своих предков эстонцев.

И, наконец, наиболее древний культурный рубеж, соответствующий границе средневековой Псковской земли, вычленяет в западной части бывшей Псковской губернии собственно “псковское культурное ядро”.

Согласно результатам проведенных нами исследований, явный приоритет среди всех уровней территориальной идентичности сельское население приграничных районов Псковской области отдает локальной идентичности (табл. 2). Второе место занимает региональная идентичность и лишь третье - национальная идентичность, примерно равные позиции занимают государственная (гражданство России) и собственно этническая идентичности. Причем региональная и национальная идентичности для опрошенного населения оказались менее значимыми, чем, например, идентичность по возрасту и профессии. Также отметим, что при приближении к границе с Эстонией и Латвией для местного населения несколько возрастает значимость этнической идентичности, которая отодвигает государственную идентичность на более низкую ступеньку.

Важнейшими составляющими национальной идентификации сельские жители приграничных районов считают, во-первых, язык, а во-вторых, родную землю и природу. То есть даже в национальной идентификации, понимаемой достаточно широко, значительное место отводится именно территориальной (локальной и региональной) идентичности. Третье и четвертое место в структуре национальной идентичности заняли культура и историческое прошлое. Далее следуют такие признаки, как обычаи и обряды, черты харак-

Таблица 2

Иерархия идентичностей для сельских жителей приграничных районов

Ощущение близости, единства с людьми (в % от всех опрошенных):	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняются ответить
Своего населенного пункта	73	20	3	4
Своего поколения, возраста	66	22	3	9
Той же профессии, рода занятий	53	28	6	13
Жителями Псковской области	50	32	5	12
Своей национальности	47	28	6	19
Гражданами России	40	32	8	20
Своей веры	38	22	18	22
Того же достатка	35	29	13	23
Близкими по политическим взглядам	25	21	24	30

тера, внешний облик, религия. Общая государственность заняла последнюю позицию в ряду составляющих национальной идентификации, что в целом подтверждает вывод о заниженной роли гражданства в общей структуре идентичности сельского населения, проживающего вблизи сравнительно молодой государственной границы.

Особенности национальной идентификации были выявлены с помощью серии вопросов, посвящённых стереотипным представлениям о России по сравнению с соседними странами (Эстонией, Латвией и Белоруссией). В целом образ России складывается из таких характеристик, как сильная, миролюбивая, духовная и независимая. На этом фоне Эстония и Латвия видятся как более богатые, развитые страны. Однако при сравнении России с Белоруссией за первой сохраняются только три характеристики (сильная, независимая и духовная), в то время как Белоруссия награждается такими качествами как миролюбивая, развитая и богатая. Тем не менее, разрыв между этими стереотипами (за исключением двух контрастных характеристик: сильной России и миролюбивой Белоруссии) становится минимальным, что свидетельствует о близости образов этих двух славянских стран в противовес государствам Балтии (табл. 3).

Следует отметить, что образы Эстонии и Латвии в представлении россиян фактически ничем не отличаются, скорее соответствуя образу любой из “западных стран”. Другими словами, стереотипное представление о России по сравнению с Эстонией и Латвией является отражением более высокого уровня территориальной идентичности, чем национальной. Фактически в данном случае мы имеем дело с наднациональной – цивилизационной идентичностью, что подтверждается ответами респондентов на вопрос, касающихся этнических стереотипов русских по сравнению с эстонцами, латышами и белорусами (табл. 4).

По сравнению с эстонцами и латышами русские награждаются такими чертами характера: веселый, общительный, добрый, дружелюбный, терпели-

Таблица 3

Государственные стереотипы России в сравнении с соседними странами

Какая из стран в большей степени	Россия	Эстония	Затрудняются ответить	Россия	Латвия	Затрудняются ответить	Россия	Белоруссия	Затрудняются ответить
Миролюбивая	80	14	6	81	5	14	22	69	9
Сильная	81	16	3	77	20	3	69	26	5
Духовная	88	9	3	71	25	4	50	45	5
Независимая	72	27	1	66	26	8	52	36	12
Богатая	41	53	6	37	60	3	45	54	1
Развитая	20	77	3	33	65	2	41	54	5

вый, свободный, веротерпимый. Минимальный перевес в пользу русских получили такие характеристики, как патриотичный и счастливый. Следует отметить, что на формирование данных этностереотипов не влияет ни пол, ни возраст опрошенных, что приводит к мысли о господствующей роли в этнической идентификации населения сложившейся в течение длительного времени культурной традиции, и только о вторичной роли – современных средств массовой информации и прочих факторов.

Различия между этностереотипами эстонцев и латышей, как и в случае с государственными стереотипами, минимальны. Типичный представитель этих народов при сравнении с русскими видится как аккуратный, культурный, воспитанный, сдержанный, рациональный, деловой, богатый и законопослушный. Причем заметно чаще такими качествами награждали эстонцев и латышей респонденты с более высоким уровнем образования. Единственной чертой характера, не получившей явного перевеса в пользу русских или народов стран Балтии, оказалось трудолюбие.

Этностереотипы эстонцев и латышей в полной мере укладываются в образ “человека западной культуры”, который, как отмечает Л.Д. Гудков, складывается из соединения значений деятельности, независимости и самостоятельности. Он же подчеркивает, что этот образ “западного человека” в целом должен очень мало различаться не только между представителями западноевропейских государств, но и соответствовать образу “ближнего европейца”, т.е. представителя стран Балтии [1]. Наше исследование подтвердило данное суждение.

Принципиально иные стереотипы формируются при сравнении типичных представителей двух славянских и, к тому же, православных народов – русских и белорусов. В их обликах все обозначенные черты характера в значительной степени выравниваются. Образ русского в сопоставлении с белорусом заметно прибавляет по таким характеристикам, как аккуратный, сдержанный, деловой, законопослушный, нежели в сравнении с эстонцем и латы-

Таблица 4

Этнические стереотипы русских в сравнении с соседними народами (в %)

Типичный представитель какого из народов в большей степени	Русский	Эсте-нец	Затруд-няются отве-тить	Рус-ский	Ла-тыш	Затруд-няются отве-тить	Рус-ский	Бело-рус	Затруд-няются отве-тить
Добрый	83	1	16	94	1	5	43	22	35
Общительный	82	2	16	88	5	7	36	18	46
Веселый	78	10	12	88	3	9	49	17	34
Дружелюбный	71	9	20	81	6	13	33	13	54
Свободный	71	11	18	61	20	19	58	22	20
Терпеливый	64	17	19	87	9	4	73	7	20
Веротерпимый	53	16	31	81	8	11	66	13	21
Патриотичный	48	32	20	66	29	5	63	15	22
Счастливый	29	13	58	69	18	13	46	14	40
Трудолюбивый	32	43	25	49	45	6	25	14	61
Законопос-лушный	13	48	39	31	59	10	48	12	40
Богатый	18	54	28	20	78	2	31	4	65
Деловой	17	66	17	20	77	3	24	11	65
Сдержанный	20	73	7	23	73	4	42	4	54
Аккуратный	13	75	12	17	81	2	30	4	66

шом. При сравнении с белорусом он заметно приближается к образу типичного представителя “человека западной культуры”. Как видим, в модели цивилизационной идентичности, шкала которой имеет полюса “Запад-Россия”, страны Балтии заметно более тяготеют к “Западу”, а Белоруссия – к “России”, хотя по ряду характеристик русский человек и Россия в целом стоят даже ближе к образу “западного мира”, чем белорус и Белоруссия. Исходя из этого, становится понятным вывод, что национальная идентичность россиян наиболее четко выражается на фоне контраста со странами Балтии, и сильно “размывается” при сравнении России с Белоруссией.

Для познания пространственно-временной динамики региональной идентичности населения Псковской области мы изучили, как распространилось не ее территории давно возникшее самоназвание местных жителей – “скобарь”¹.

Первоначально основной ареал этого названия был ограничен территорией распространения псковских “цокающих” говоров, примерно соответствующей древнему “псковскому культурному ядру” в пределах средневековой Псковской земли (в основном в бассейне реки Великой). Применение слова “скобарь” в качестве самоназвания местного населения на восточной и особенно юго-восточной окраине Псковской губернии (включая г. Великие Луки) было заметно меньшим. В северной части Псковской области, ранее входившей в состав С.-Петербургской губернии, слово “скобарь” в качестве самоназвания почти не употреблялось. Для населения, проживающего к югу от

¹ Легенды свидетельствуют о двух народных версиях происхождения слова “скобарь”. Первая из них связывает самоназвание псковичей с их стрижкой в средние века (“не лыком шиты, не скобой стрижены”). Вторая также связана со словом “скоба” – железным предметом, результатов кузнечного промысла. Однако наиболее признанной в научных кругах является версия, согласно которой произошел постепенный переход от слова “псковский” к названию “скобарь” путем замены отдельных звуков и частей слова, во многом благодаря специфике псковских говоров. Лингвисты предполагают следующую цепочку замены звуков при переходе “псковский – скобской”: замена в середине слова “в” на “п” (т.к. более реальная замена “в” на “ф” чужда псковским говорам); отбрасывание первого звука “п”; новая замена в середине слова “п” на “б”. В итоге могло произойти обратное словообразование: “скобский – скобы – скобарь”. Не сами псковичи способствовали созданию такого названия, а их соседи, которые стремились как-то отличить себя от жителей Псковской земли. Поэтому и понятие “скобари” имело несколько пренебрежительный оттенок: “Скобари самые лапотники, да еще новгородские” (См. Манаков А.Г., Кулаков И.С. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: ЛА “Варяг”. 1994. С. 162-163).

границ Псковской губернии, использовались названия “кацапы” и “поляки” [5].

С 20-х по 50-е гг. XX в. из-за постоянных изменений в административном делении ареал использования прозвища “скобарь” стал размываться. После приобретения Псковской областью в 1958 г. современных границ слово “скобарь” стало постепенно распространяться по всей территории Псковской области, выходя за рубежи, ранее определенные губернскими границами. Так губернская идентичность постепенно стала сменяться современной региональной идентичностью в рамках Псковской области. Но лишь ближе к концу XX в., когда слово “скобарь” стало утрачивать в среде местного населения свой негативный оттенок из-за ухода из жизни поколений – реальных носителей этого прозвища, оно стало чаще использоваться в качестве собственно регионального самоназвания. Причем это слово приобрело ощутимый политический оттенок, став своеобразным *символом местного патриотизма*.

Согласно результатам опроса, проведенного в марте 2002 г., 48% жителей Псковской области достаточно часто использует самоназвание “скобарь”, а 30% – не использует его совсем (остальные 22% опрошенных употребляют крайне редко или затруднились ответить на данный вопрос). В частности, им пользуется 56% уроженцев Псковской области и 27% лиц, родившихся за пределами области. В Пскове скобарями себя называет 53% опрошенных, в т.ч. примерно две трети уроженцев областного центра.

Заметно чаще скобарями называют себя люди старшего возраста (немного чаще мужчины, чем женщины), проживающие в сельской местности и имеющие относительно более низкий уровень образования. Подавляющее большинство этих людей, произнося слово “скобарь”, испытывает сегодня гордость за псковичей. Ироническое отношение к этому региональному названию высказывают в основном более образованные люди, молодежь и уроженцы других регионов. Среди молодых людей (в возрасте до 20 лет) са-

моназвание “скобарь” осознанно используется только пятой частью уроженцев области и 5% выходцев из других регионов России, стран СНГ и Балтии.

Возвращаясь к распространению самоназвания “скобарь” на территории Псковской области, отметим, что полувекового периода существования новых административных границ оказалось недостаточно, чтобы это региональное самоназвание стало применяться на всей территории области в равной степени. Ярким примером может послужить Печорский район, входящий в состав Псковской области с 1945 г., а в период с 1920 г. по 1940 г. бывший частью независимой Эстонской республики. Если в восточной части Печорского района, расположенной ближе всего к Пскову, скобарями называет себя более половины местных жителей, то в западной и южной частях района, примыкающих к границам с Эстонией и Латвией, эта доля составляет лишь около трети. Несколько реже называют себя скобарями и коренные жители северной части области, с 1781 г. по 1927 г. входившей в состав С.-Петербургской (в начале XX в. – Петроградской, Ленинградской) губернии, а с 1927 г. по 1944 г. – в состав Ленинградской области. Так что “псковский” административный период этой территории длится чуть более полувека на фоне полутора векового “петербургско-ленинградского” периода. Тем не менее, близ бывшей границы Псковской губернии скобарями называет себя уже две трети коренных жителей, и лишь дальше к северу эта доля уменьшается до половины.

Еще реже отождествляют себя со скобарями жители южной части Псковской области, до 1924 г. входившей в состав Витебской губернии, “псковский” административный период которой начался только в 1957 г. Скобарями называет себя здесь только треть местных жителей, тогда как в пределах “псковского культурного ядра” их доля достигает 75%. Важно отметить, что это самоназвание постепенно начинает закрепляться на юге области в небольших городах-райцентрах и их ближайшем окружении, где ско-

барями сейчас называет себя уже около половины опрошенных местных уроженцев.

Таким образом, изменение смыслового значения регионального названия “скобарь”, ранее служившего для культурной (псковские “цокающие” говоры) и губернской идентификации, а сейчас выступающего в качестве символа местного патриотизма, придало ему новационный характер, позволило проникнуть на исторически “нескобарские” территории, перешагнув через формировавшиеся веками культурные границы. Получив политический оттенок, региональное название псковичей приобрело новую жизнь, яркую, но не исключено, что достаточно скоротечную.

Частота использования самоназвания “скобарь” среди респондентов, родившихся за пределами Псковской области, зависит от длительности их проживания на территории области и от региона выбытия. Чаще всего скобарями называют себя выходцы из северных регионов России, а также из Белоруссии и Украины, давно обосновавшиеся в Псковской области (в среднем более 20 лет назад). Реже всего - недавние переселенцы (в основном после распада СССР) из стран Балтии, среднеазиатских государств и Казахстана. Также весьма редко называют себя скобарями уроженцы южной части России, хотя и имеют не менее длительный период адаптации на псковской земле, чем выходцы с Севера России.

Особенности региональной идентификации проявляются в ответах респондентов на вопросы, касающиеся оценки качеств людей, проживающих в Псковской области. Уроженцы ее считают себя очень общительными, добрыми, понимающими других людей, трудолюбивыми, патриотичными, нравственными, в большинстве случаев ответственными, но сравнительно пассивными и очень индивидуалистичными. В вот выходцы из других регионов России и бывших союзных республик считают жителей Псковской области, в отличие от самооценки псковичей, чуть более нравственными и патриотичными, но несколько менее трудолюбивыми, еще более индивидуалистичными.

ми, пассивными и беспечными. Наиболее контрастными в оценках качеств псковичей являются группы недавних переселенцев из стран Балтии и Средней Азии. Выходцы из Средней Азии явно завышают, даже по сравнению с самими псковичами, такие качества жителей области, как ответственность, деловитость, трудолюбие, нравственность. Эти же характеристики псковичей для выходцев из государств Балтии приобретают прямо противоположный знак: безответственные, беспечные, ленивые и безнравственные. С другой стороны, мигранты из стран Балтии, как и выходцы из Белоруссии и Украины, по сравнению с переселенцами из Средней Азии, считают псковичей более общительными и понимающими других людей. К тому же уроженцы Украины и Белоруссии, в отличие от всех других групп мигрантов, одним из качеств жителей области считают коллективизм.

Последний пример показывает, что мигранты из бывших союзных республик строят свои оценки качеств жителей российских регионов на основании собственного жизненного опыта в пределах принципиально иных культурных сред. Так, например, в ходе нашего исследования в почти полностью русскоязычном городе Нарве (Эстония) местные русские сами обратили внимание на то, что четко отличают себя от своих соплеменников, проживающих в России. Состоявшийся в марте 2002 г. опрос жителей Псковской области подтвердил объективность данных высказываний. Наиболее толерантной группой среди недавних мигрантов в Псковскую область, одинаково хорошо относящейся к переселенцам независимо от их национальности, оказались выходцы из стран Балтии, наименее толерантной – уроженцы Юга России. Выходцы из Средней Азии и Казахстана более терпимы по отношению к нерусским переселенцам, но зато не столь положительно настроены по отношению к русским мигрантам.

В ходе нашего исследования предпринималась попытка изучения *локальной идентичности*. Около половины опрошенных нами сельских жителей приграничных районов считает, что местное население имеет отличии-

тельные особенности. Уроженцы Псковской области полагают, например, что население местности, где они проживают, отличается в первую очередь спецификой говоров. Данный ответ был наиболее популярен вблизи очевидных культурных границ (например, около государственной и одновременно этнической границы, или между “окающими” говорами на севере области и “акающими” – на ее остальной территории). Второе место занял ответ, что местные жители отличаются поведением (характером). Менее значимыми для уроженцев области оказались такие отличительные признаки, как культура (обычаи, праздники и т.п.) и внешний вид.

В отличие от уроженцев Псковской области, переселенцы из других регионов России, а также бывших союзных республик, чаще отмечают специфику поведения (иногда с негативным оттенком) и особенности культуры псковичей. Однако диалектные особенности псковичей в качестве их отличительного признака занимают все же первое место, причём независимо от категории мигрантов. Культурную специфику населения Псковской области чётче осознают переселенцы из европейских стран СНГ и Балтии.

Отметим, что локальная идентичность, хотя и лидирует в иерархии территориальных идентичностей во всех категориях недавних мигрантов в Псковскую область, зачастую уступает идентификации по возрасту и профессии, особенно для переселенцев из бывших союзных республик. А для выходцев из азиатских стран СНГ на первое место даже выходит этническая идентичность. Региональная идентичность занимает третье или четвертое места (в зависимости от категории мигрантов) среди всех видов территориальной идентичности. Исключение составляют только недавние переселенцы из стран Балтии, которые зачастую имеют псковские корни и поэтому выносят региональную идентичность на второе место. А для выходцев из других регионов России и европейских стран СНГ вместо региональной идентичности на вторую позицию поднимается государственная идентичность.

Таким образом, в повседневной жизни население сельской местности Псковской области отдаёт приоритет локальной идентичности и, вследствие этого, выстраивает иерархию территориальных идентичностей “снизу вверх”: от локальной и региональной к национальной и наднациональной (цивилизационной) идентичности. Только покидая свое поселение, человек осознанно придает приоритет более высоким уровням территориальной идентичности (региональной или национальной в зависимости от дальности и характера перемещения, типа пересекаемых политико-административных и этнокультурных границ). Данный вывод подтвержден результатами опроса переселенцев в Псковскую область из других регионов России и бывших союзных республик. На практике этот вывод побуждает к уточнению диагностики межнациональных отношений, т.к. выявленная в ходе социологического мониторинга резкая, чётко выраженная смена приоритетов в пользу национальной (или собственно этнической) идентичности в противовес локальной и региональной может свидетельствовать о нарастании этнополитической напряженности в стране или отдельных субъектах федерации. Особое значение правильная диагностика межнациональных отношений имеет не только для многонациональных регионов страны, но и для территорий, прилегающих к государственным границам России, являющимся одновременно важнейшими этнокультурными рубежами.

В целом наше исследование доказывает, что государственные, административные и этнические границы играют существенную роль в формировании и последующей динамике национальной и региональной идентичности. В этом плане особое значение имеют такие характеристики границ, как их историческая зрелость и степень проницаемости, определяемая соотношением их барьерных и контактных функций. И с этой точки зрения очень показателен пример Псковской области, которая не только граничит с тремя молодыми государствами, но и располагает множеством внутренних историко-

культурных границ, оставленных в наследство бывшими политико-административными и этническими рубежами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Геополитическое положение России: представления и реальность. Под редакцией В.А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
2. *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 36-43.
3. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108-115.
4. *Крылов М.П.* Понятие “регион” в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. Часть 1. Смоленск: Изд. СГУ, 1997. С. 32-37.
5. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. СПб.: СПб. ун-т, 1995.